

лексические соответствия. Всё это значительно затрудняет работу с данным разделом книги.

Как и любое издание значительного объёма, рецензируемый том не свободен от опечаток. Так, на одной странице введения находим написания «отъялося» и «отъ ялося» (с. 84), в иных местах — «мрымяненне» вместо ожидаемого *прымяненне в цитате (с. 112), «плотн мѣ» вместо *плотномѣ (с. 292).

Несмотря на многочисленные недостатки лингвистической интерпретации, рецензируемое издание следует оценить положительно. М. Таубе проделал весьма трудоёмкую и технически сложную работу: сравнил дошедшие до нас списки публикуемых произведений, весьма значительных по объёму; предложил собственную реконструкцию исходного перевода; существенно прояснил смысл крайне трудных для понимания и интерпретации русьскомоновых текстов, снабдив их английским переводом; сопоставил славянский текст с существующими еврейскими версиями и арабским оригиналом, используя для этого как печатные, так и рукописные источники. Последнее вряд ли было бы под силу профессиональным славистам.

Рецензируемое издание высоко оценено за рубежом: в 2016 г. оно отмечено призом Ассоциации раннеславянских исследований (Early Slavic Studies Association) в категории научных переводов; в 2017 г. М. Таубе получил за него первую премию из числа Премий Полонского (Еврейский университет в Иерусалиме) за творчество и оригинальность в гуманитарных науках.

Сергей Темчин

Боровков Д. *Владимир Мономах, князь-мифотворец*. М.: Ломоносовъ, 2015, 240 с. [История. География. Этнография]

Фигура великого киевского князя Владимира Мономаха продолжает привлекать внимание исследователей. Только за последние годы ему были посвящены книги А.Ю. Карпова и автора этих строк, рецензии на которые опубликованы в предыдущем томе *Рутеники*. Очередная книга о князе, признаваемом её автором «мифотворцем», принадлежит перу Дмитрия Боровкова, задавшегося целью, проанализировав летописные тексты, «воссоздать его подлинный облик».

Работа состоит из введения и девяти разделов, в основном отражающих жизненный путь Владимира Мономаха и вместе с тем процесс формирования его политического мифа, начатого ещё при его жизни на страницах *Летописи временных лет* и продолженного в XIII–XVI вв.

Во введении автор обращает внимание на «уникальность Владимира Мономаха среди других представителей рода Рюриковичей» и приводит существенно разнящиеся по своей сути характеристики, данные князю рядом

крупных историков прошлого (С.М. Соловьёвым, Н.И. Костомаровым, М.С. Грушевским, Б.А. Рыбаковым и Д.С. Лихачёвым). Истоки имеющихся в историографии противоречий в оценках князя исследователь при этом склонен усматривать уже в летописании. Их зависимость от общественно-политических и конкретно-исторических взглядов того или иного историка им не учитывается.

Наградив Владимира Мономаха ярлыком «мифотворец», чёткого понятия ни мифу, ни мифотворчеству Д. Боровков не даёт. Насколько можно судить из текста, под мифом он понимает главным образом идеализацию и придание образу Владимира Мономаха фантастических черт. Однако такое понимание мифа трудно признать корректным, ибо исторический миф далеко не всегда тождествен вымыслу. Под ним можно понимать и вполне реалистичные, но намеренно искажённые или привнесённые извне черты. Об этом много и ярко писали такие признанные специалисты в области исследования мифологии, как А.Ф. Лосев, М.И. Стеблин-Каменский, Ю.М. Лотман, М. Элиаде, Р. Барт и др.

Большинство разделов книги написаны не столько через призму анализа представлений о князе, сколько в традиционном историко-биографическом ключе. Так, автор повествует об исторических условиях, в которых протекало детство Владимира Мономаха, его первых «путях», княжении в Чернигове, междукняжеских отношениях и т.д. Критически подходя к летописному материалу, Д. Боровков следует, тем не менее, летописной канве изложения. Учитывает он отчасти и труды многочисленных предшественников, изучавших деятельность Владимира Всеволодовича. С чьим-то мнением соглашается, чьё-то оспаривает, иногда предлагает компромиссное решение. В годы княжения в Киеве Всеволода Ярославича Владимир, как пишет автор, «должен был играть очень важную роль в текущих делах» в качестве проводника его политики, а «возможно, и её архитектора» (с. 61). Перспективы же занятия Мономахом после смерти отца киевского стола Д. Боровков оценивает как «весьма призрачные» (с. 65). Развивая мнение В.И. Сергеевича, он полагает, что Владимир уступил Киев Святополку, так как намеревался сохранить в неприкосновенности раздел «Русской земли» 1077 г., гарантировавший ему гегемонию на левом берегу Днепра (с. 64). Князь, как стремится доказать автор, предпочёл «обзавестись не потенциальным врагом, а потенциальным союзником, который мог бы помочь ему противостоять и половецкой экспансии, и враждебным действиям Святославичей» (с. 66). Если это так, то Мономах довольно серьёзно просчитался. Последовательным же поборником «отчинного» принципа он, по наблюдению Д. Боровкова, становится только после вынужденного отказа от Чернигова (с. 70). Его возвеличивание, представление в более выгодном свете в летописных статьях 1093–1111 гг., вслед за А.А. Шахматовым и его последователями, автор объясняет редактурой первоначального текста летописи настоятелем семейного монастыря

Мономаха — выдубицким игуменом Сильвестром, перед которым «стояла задача создания “культы личности” Мономаха — представление его в качестве лидера русских князей» (с. 112). В свете исследований последних десятилетий, демонстрирующих зависимость летописных оценок не столько от политических пристрастий летописца, сколько от особенностей его мировосприятия, подобный подход выглядит упрощённым. К тому же, заметим, сегодня всё чаще именно Сильвестр рассматривается в качестве единственного автора и создателя начальной летописи — *Повести временных лет*, писавшего при этом свой труд чуть ли не с нуля¹.

Ведя речь о формировании «культы личности» Владимира Мономаха, Д. Боровков пишет, главным образом, об усилиях в этом направлении летописцев и сосредотачивается на междукняжеских отношениях и роли в них Мономаха. Другому не менее важному фактору в этом процессе — половецкой угрозе, приобретшей к концу XI в. большое значение в идеологии русских князей, автор должного внимания не уделяет. Между тем именно противостояние половцам, как подметил А.П. Толочко, «было лёгким и доступным способом приобрести репутацию правителя, который заботится о судьбе и благосостоянии подданных, князя-защитника веры и родины, не дающего “погибнуть земле, которую стяжали отцы и деды”». И именно Мономах был первым, кто понял этот «популистский момент антиполовецкой политики», став в итоге в глазах общества «если не главной фигурой среди князей», то «наиболее симпатичной», что сразу же «подхватили» летописцы². Кроме того, автор совершенно не касается темы «мнихолюбия» князя, его почти идиллических отношений с Церковью, что имело значение в дальнейшей эволюции его мифологизированного образа.

Вокняжение Владимира Мономаха в Киеве после смерти Святополка Д. Боровков признаёт «вполне законным», полагая вслед за А.В. Назаренко, что ещё при жизни Святополка об этом было заключено предварительное соглашение, скреплённое династическим браком между Ярославом Святополчицем и внучкой Мономаха — дочерью Мстислава Владимировича (с. 122–123). Сын Святополка должен был наследовать Мономаху, но последний, закрепившись на киевском столе, это условие соглашения нарушил, что и стало причиной его конфликта с Ярославом. Вообще, в политике Мономаха периода киевского княжения Д. Боровков выделяет два этапа: «в 1113–1115 гг. он занимает осторожную позицию, но в 1116–1125 гг. его действия приобретают более жёсткий характер, направленный на упрочение политического авторитета Киева, следствием чего явились устранение «нелояльных» князей и переход вакантных волостей в руки членов его семьи» (с. 148).

1 Толочко А.П. Перечитывая приписку Сильвестра 1116 г. *Ruthenica*, VII (2008), 154–165; Его же. *Очерки начальной Руси*. К.: СПб., 2015, 20–34.

2 Толочко О.П., Толочко П.П. *Київська Русь [Україна кризь віки*. Т. 4]. К., 1998, 205–206.

Политика Владимира в этот период становится, таким образом, по оценке автора, «авторитарной» (с. 150). При этом исследователь подмечает двойственное отношение Мономаха к своим родственникам, выражавшееся в том, что он «стремился только к подчинению князей правого берега Днепра, тогда как князья левого берега были для него равноправными партнёрами» (с. 150). Тем самым, после занятия Мономахом киевского стола можно говорить о переориентации его «геополитических интересов», что, впрочем, является вполне закономерным. Политика переяславльского и киевского князя, естественно, не могла быть идентичной, ибо перед ними стояли разные задачи и открывались различные перспективы. Нельзя забывать и того, что «левобережные» Святославичи были старше Мономаха по родовым счетам, что он, естественно, должен был учитывать.

Весьма подробно останавливается Д. Боровков на законодательной деятельности Владимира Мономаха, убедительно демонстрируя её «достаточно умеренный характер» и развенчивая восходящий ко второй редакции *Истории Российской* В.Н. Татищева миф о том, что законодательство Владимира Мономаха имело антисемитский характер. Завершая рассмотрение княжения Владимира Мономаха в Киеве, автор даёт сравнительный анализ двух летописных некрологов князю, сохранившихся в *Ипатьевской* и *Лаврентьевской* летописях, наглядно демонстрируя, что если первый из них «несмотря на элементы панегирического характера, передаёт факты», то второй — «напротив, скуден фактическим содержанием и имеет ярко выраженный литературный характер. Он как бы подводит своеобразный итог усилиям книжников XII столетия по созданию “культ личности” Мономаха» (с. 156). С этим же, используя не совсем удачную авторскую терминологию, «культом личности» мы сталкиваемся и в последующем летописании, когда величие и слава Владимира Мономаха переносятся книжниками на его сыновей и внуков и когда «Володимирове племя» фактически становится политическим символом Руси³. Это, впрочем, оказывается уже за кадром внимания автора.

В то же время отдельный раздел Д. Боровков посвящает так называемому «ряду Мономаха», призванному, по его мнению, «устранить от наследования киевского стола сыновей Мономаха от его второго брака» (с. 163). Об этом же «ряде», иногда громко именуемом «династической реформой», с некоторыми различиями в интерпретациях писали М.С. Грушевский, А.Е. Пресняков и А.В. Назаренко, на наблюдениях которых автор, собственно, и основывает свои рассуждения.

Весьма подробно Боровков рассматривает династическую борьбу Мономахичей, ведущую своё начало, как он демонстрирует, от этого самого «ряда Мономаха» (с. 185). Данная часть раздела представляется, впрочем,

3 См.: Ищенко А.С. *Владимир Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность*. Ростов-на-Дону, 2014, 51–56.

неоправданно затянутой. Ей посвящено страниц больше, чем, скажем, княжению Владимира Мономаха в Чернигове или рассмотрению литературных трудов князя.

Этим последним посвящён отдельный раздел книги. В нём Д. Боровков приходит к не отличающемуся оригинальностью выводу о том, что «ключевая мысль *Поучения* Мономаха своим детям — это призыв к деятельной жизни, построенной в соответствии с христианскими канонами» (с. 193). Не ново и наблюдение, что «под его пером возникает своеобразный “идеальный тип” князя, конкретное содержание которого составляют примеры личного опыта Мономаха» (с. 193). При этом, однако, вслед за итальянским славистом Р. Пиккио, Д. Боровков полагает, что в автобиографической части *Поучения* Владимир «оказывается фигурой, достаточно далёкой от того “идеального типа” личности, который сам же пропагандирует». Из *Поучения*, по его наблюдению, «не видно, чтобы “христианский гуманизм” князя распространялся на подданных враждебных ему князей [...] или половецких ханов, изъявивших желание заключить с ним мир» (с. 194). Но, следует согласиться с В.В. Пузановым, «так поведение Владимира воспринимает современный исследователь, а не современник Мономаха и не сам князь. Для Владимира Всеволодовича, как и для его современников, описанный в “автобиографии” тип поведения князя, несомненно, общественно одобряемый. Мономах, судя по всему, был искренне уверен в праведности своей жизни, которая могла служить наглядным образцом и для его сыновей и для других князей». Ведь князю, как продолжал Пузанов, «в первую очередь, следовало заботиться о вверенной ему земле, а для этого наводить страх на реальных и возможных противников»⁴. Учитывая важность *Поучения* для характеристики образа Владимира Мономаха, анализу этого уникального памятника древнерусской литературы автору, по-видимому, следовало уделить больше внимания.

Следующий раздел книги посвящён легенде о «Мономаховых дарах», отправной точкой для которой, по мнению Д. Боровкова, послужила неудачная русско-византийская война 1116 г., события которой были «модифицированы в контексте формировавшихся тогда (в начале XVI в. — *А.И.*) представлений о месте Руси во всемирно-историческом процессе» (с. 195–196). Рассмотрев тексты *Послания о дарах Мономаха* Спиридона-Саввы и *Сказания о князьях владимирских*, краткую историю их изучения, он пришёл к довольно сомнительному выводу, что «Владимир Мономах представлен здесь как поборник и продолжатель “имперской идеи”, истоки которой возводятся к X в.» (с. 202). Говоря о «Мономаховых дарах» автор уделяет внимание и легендарной «шапке Мономаха», проблеме её создания и последующей

4 Пузанов В.В. *Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкции*. Ижевск, 2007, 458.

мифологизации (с. 205–206). Однако в целом эволюция образа Владимира Мономаха рассмотрена им достаточно бегло.

Наконец, в последнем разделе на основании всех рассмотренных фактов Д. Боровков даёт собственную характеристику Владимиру Мономаху. Эта его итоговая характеристика получилась «несколько двойственной», что он склонен объяснить либо «как результат отклонения “реальной политики” князя от идеального образа правителя, созданного в первой части *Поучения*, либо как результат политической эволюции Мономаха» (с. 207–208). В том, что такая политическая эволюция имела место, автор не сомневается. По его наблюдению, «характер действий Мономаха менялся в зависимости от требований “реальной политики”, в соответствии с которыми он мог пойти на те, или иные уступки. Однако с того момента, как в 1113 г. он стал киевским князем, таких уступок становилось всё меньше, а место декларируемых прежде политических принципов занимали династические интересы» (с. 208). По оценке Д. Боровкова, «и сам Мономах, и близкие к нему интеллектуалы (типа Сильвестра) были в значительной степени мифотворцами». Поэтому, «мифотворцы более позднего времени [...] под влиянием такого колоритного образа князя, который сложился в древнерусской традиции, сделали Владимира Мономаха главным героем разрабатываемого ими мифа “перенесения империи” на Русь» (с. 208). Однако героем этого последнего мифа Владимира делает скорее сам Д. Боровков, нежели «мифотворцы» XVI столетия. Идея о «перенесении» империи на Русь нашла своё выражение не столько в *Послании Спиридона-Саввы* или *Сказаниях о князьях владимирских*, для которых в этом смысле была более значимой идея наследования Москвы Киеву и Владимиру⁵, сколько в сформулированной примерно в то же время в писаниях старца псковского Елеазарова монастыря Филофея концепции «Москва — Третий Рим». Эта последняя, впрочем, имела не только сугубо пророческо-эсхатологический характер, но и в то самое время, когда возникла и получила официальное признание легенда о «Мономаховых дарах», была по своей роли маргинальной.

Общий вывод, которым автор завершает своё повествование, весьма прост: «Мономах был далеко не таким идеальным правителем, каким он пытался себя представить» (с. 208). Это, заметим, свойственно политикам всех времён и народов.

В конце книги помещены краткая хронология основных событий жизни Владимира Мономаха и достаточно подробный библиографический список.

Александр Ищенко

5 Усачев А.С. «Третий Рим» или «Третий Киев»? (Московское царство XVI века в восприятии современников). *Общественные науки и современность*. 2012. №1. С. 69–87.